

1.

Помните, как у нас экстрасенсы, ясновидящие, ведуны, вещуны в «смутное время 90-х» появились? Ладно ещё в москвах да питерах кликуши да самозваные знахари народ исцелять и судьбы предсказывать принялись. А примером им служили Кашперовский с Чумаком. Тут и в газетах объявления об их способностях запестрели. Ошибок в них – неизмеримое количество! Смотрите:

«Человек-легенда, маг высшей категории
Белая чёрная магия
Верну любимого(ую)
Наложу бизнес
Виноотвород
Решения проблем любой сложности
БЕСПЛАТНО.
т.8966167...»

И даже очень модной эта напасть стала.

Среди моих знакомых некоторые тоже в себе экстрасенсорные таланты обнаружили. Вот только почему их больше всего среди представителей «свободных профессий» оказалось? Я так людей, не производящих материальных благ, называю. Один, пожарный Володя, такой фокус показал: он на голую грудь алюминиевую ложку примастырить умудрился. И держалась она, черенком вниз висела, неподвижная некоторое время. А я подумал: грудка у Вовы от пота влажная, ложка лёгкая. После вычитал, якобы облучившиеся таким свойством обладают. Доблестный огнеборец утверждал, будто он даже утюг прищандоривал, только усомнился я в сказанном.

Другой мой знакомец, милиционер, демонстрировал своё умение на этом поприще во время застолья, когда выпито было изрядно, и обзолённая жена уже на кухню заскакивать умаялась. Так вот, он тоже вилки – ножи на лоб да на грудь приклеивал. Держались колющие и режущие на теле хмельного стража порядка. Только тоже не очень долго.

Оба мужика, кстати говоря, померли в возрасте сорока с небольшим лет.

2.

Мой приятель Николай «пьяному забвению» был подвержен. И вот однажды, изнурённый многодневным запоем и руганью жены, решил к такому «целителю» обратиться. Кто ему насоветовал, не помню, а только поехал он, протрезвевший, к волхву – знахарю за добрую сотню вёрст на «сеанс».

Возвратился Коля дня через два, посвежевший и какой-то просветлённый. Позже рассказывал:

– Приехал я, а очередь к целителю – десятка полтора мужиков. Баб, правда, не было. Ну, думаю, и вправду знаток он и спец! Деньги берёт не очень большие, а вот бутылку водки с собой принести обязательно

надо. Иначе он не принимает: у него на водочном принципе метод лечения зиждется.

Занял я очередь, дождался – на другой день до полудня на приём попал. Лекарь, как видно, уже с утра принял на грудь. Он меня за стол усадил, мою же бутылку откупорил, полстакана нацедил, пошептал что-то и руками над посудой поводил. Наконец, отступил от стола, рывкнул:

– Пей!

А мужик он матёрый, рожа багряная, ручищи волосатые... Тогда я:

– Ну, будь здоров, врачеватель!

А он:

– Да не забудь приговаривать: «Клянусь от зелья отречься, не возжелать и не прикасаться больше!» Что делать? – «Клянусь».

Легко пошла – давно не пил... Разговорились. Лекарь мне и поведал следующее: «Работал я трактористом. И здоровье, и деньги – всё было. Выпивал, конечно. Жена молчала до поры, но потом... ясно, какая баба пьянки каждодневные терпеть будет? Скандалить начала. Я как-то слушал-слушал, не дослушал. Психанул, завёл мотоцикл и к другу в гости покатил: душу отвести, значит. Только хмельной я был изрядно, не остерегся и в дерево шарахнулся. «Урал» мой уцелел, и мне повезло тоже – я только голову малость повредил. Что главное, боли как-то не почувствовал, даже свежесть какая-то в мыслях появилась».

Добрался я до приятеля, рассказал ему обо всех своих бедах. Он, конечно, поохал, поохал – посочувствовал, значит. А я на него гляжу – и всего насквозь, как на рентгене, вижу. Говорю: «Степан, а когда тебе аппендицит вырезали, ты не говорил, или я забыл?»

Стёпка на меня зенки выпучил: «С чего ты взял, про аппендицит-то?»

– Так я ведь шрам вижу!»

Степан обалдел: «Ведь это на тебя, Гриша, озарение снизошло! Бывает при сотрясениях! Ну и ну, чудеса в решете!

– Нинка! – позвал. – Покажись-ка!

Нинка вошла, хмурится: она к выпивке тоже отрицательно относится. Я спьяну и брякнул: «Ты зачем, Нина, волосья-то выбрила?» Та тоже очумела: «Ах ты, охальник!» – и осеклась.

Понятно, Стёпка на меня тоже обиделся. Потом. Раздружились мы с ним.

Водка кончилась, и знахарь меня прогнал.

Не пил Николай года три. Хоть и шарахнутый был бульдозерист, а вишь, на пару лет приятеля моего от зелья отвадил... А вдруг шарахнет?

Средства массовой информации, а особенно телевидение, учат нас, как вести себя в экстремальных ситуациях: при оползнях и селях, наводнении и землетрясении, пожаре и массовых беспорядках. А после того, как в столицы и мегаполисы стали забредать шахида и прочие террористы, нас, граждан, стали призывать не проходить мимо оставленных без присмотра сумок, пакетов, ящичков, чемоданов и коробок. О подозрительных находках на вокзалах, стадионах, других общественных местах и на транспорте, в жилых домах и на детских площадках следует сообщать в надлежащие органы. Говорят, даже сильно беременные женщины могут вызывать подозрение, если они придерживают руками большие животы: там могут быть заложены взрывные устройства.

Я у себя на площадке сумку обнаружил. Раньше подумал бы: «Ну, сумка – и сумка. И что? Переезжает кто-то. Или к знакомым в квартиру зашёл, а сумку оставил: вон она какая – обтрёпанная, старая, да и грязная ко всему. Конечно, куда с такой в гости».

Тут моя знакомая нарисовалась. Я ей говорю:

– Смотри, тут сумка какая-то. Подозрительная. Хотя и закрытая, но видно, что полная. Кто нынче сумки полные на площадках бросает без присмотра? А вдруг там...а?

Вот ещё одна дама подошла, с верхнего этажа. Она тоже женщина просвещённая, телевизор смотрит и газеты читает. И детективы тоже, поэтому – опытная.

Дама деловито нагнулась, ухо к сумке приложила, – не тикает, говорит. Значит, если там фугас, то его можно привести в действие дистанционно. И сумку смело открыла, а там... ящичек металлический, ржавчиной тронутый слегка, а вокруг него – железки, шайбочки, шпильки, проводочки. Подозрительно.

Нас уже было четверо на площадке. Постояли, посоветовались и вспомнили, что в угловой квартире Дима живёт. Он работает в администрации города каким – то технарём. Самая подходящая кандидатура – его можно в сумочный секрет посвятить.

Дима был дома, вышел на наши звонки скоро, удивился появлению шумной делегации:

– Слушаю вас, уважаемые соседки.

Та, что читает много, Нина, затараторила:

– Сумка там, возле лифта, странная такая... брошенная...облезлая немного. Мы послушали – не тикает. Но коробка в ней подозрительная, с железками, проводками. Может, дистанционно управляемая, и вдруг... шарахнет?

Дима опешил, а через мгновение рассмеялся:

– Да моя это сумка, моя! Я в гараже своём всяких железок насобирал, для дома, часть в квартиру занёс, а сумку – она тяжёлая – на потом оставил. В другое время её могли бы и спереть, а сейчас – бояться.

Спасибо вам за напоминание и за бдительность!

А мы о потерянном времени не жалели: сейчас даже спасибо не так часто зарабатываешь...

13.09.2016

Не Чубайс я, не Гайдар...

Работаю я на «железке», на железной дороге, то есть, путевым рабочим. Работа, конечно, пыльная, хотя и на свежем воздухе, но в жару и в холод креозотом дышишь. Опять же, вкалываешь физически: шпалы и рельсы таскать – не всякому под силу.

И задумался я в один весенний день: а не податься ли мне в институт диплом добывать? Но на кого бы мне выучиться? Учителя в нищете и забвении прозябают, юристов – пруд пруди, инженеров – как собак нерезаных.

Решил – выучусь-ка я на финансиста-экономиста, буду с Чубайсом и с Гайдаром как сыр в масле кататься и людей на бабки разводить. Жена и мать дают добро. Дети не плачут.

Смахнул я пыль с аттестата о среднем образовании, подсобрал других бумажек пачку и двинул в областной город высокое образование добывать.

В город я к вечеру прикатил, в институт, конечно, опоздал. Просил охранника по-братски:

– Друган, пусти переночевать, а утром я документы подам. С меня пузырь. Тот послал меня подальше, и я пошел.

«Домов колхозника» теперь нет, где можно было за копейки переночевать на раскладушке в коридоре. Теперь только гостиницы, то бишь, отели. Но должны быть такие, где цены умеренные? Я не жадный, да барский комфорт мне ни к чему.

Короче, подсказали мне хорошие люди, куда идти. Конечно, хорошие: я в основном женщин за 40 спрашивал – таким врать резону нет.

И вот нашел я такую гостиницу, с чудным каким-то названием, на госпиталь похожим. И правда, приняли меня там, забрали паспорт и деньги. Отвела меня симпатичная администраторша в короткой юбчонке и белой кофточке, улыбочивая такая, в комнату с тремя кроватями. Там уже двое мужиков располагались: один – лётчик в форме подполковника, невысокий, лысоватый, на артиста Льва Дурова из какого-то фильма похожий. Второй смахивал на моего мастера: плечи широкие и рот широкий, брови – словно усы на лбу: кустистые, над глазами нависли, губы толстые – видно, поест и выпить не дурак.

Так и есть: приветствовали они меня по-русски: у них уже был стол накрыт и две бутылки стояли. Я, конечно, лицом в грязь не ударил и свою тоже выкатил.

Застолье протекало достойно. Мы насущные проблемы толком обсудили: и текущие политические вопросы выяснили, и о работе, и о женах поговорили.

Оказалось, что подполковник Сергиенко Семен Васильевич много воёвал: во Вьетнаме, в Судане, в Афганистане, ещё в нескольких странах со странными названиями, не все запомнил.

Вот он говорит:

– Мы летали в небе над Самаданом. Там жарко, фюзеляж накаляется, хоть яичницу в полете жарь! Однажды меня настигли пять самаданских истребителей, а у меня бомбардировщик, и весь боекомплект израсходован!

– И что же ты? – это тот, похожий на мастера.

– Что-что. Я – по тормозам, включаю заднюю и – за тучу. Пересидел, короче, пока самаданцы не улетели.

Никита, что похожий на мастера, всё пытался рассказать, как он на крокодилов в Вологодской губернии охотился, но стал заикаться, махнул рукой и стал есть кильку в томате, брызгая томатом во все стороны. Конечно, он же по банке кулаком стучал.

Я, в свою очередь, рассказал, как пустил под откос самолет польского президента Качиньского, но лётчик не поверил. Он сказал, что в небе над Свердловском рельсов нет.

Вечер, короче, удался.

Утром я с трудом оторвал голову от подушки. Но долг есть долг. Не умывшись, не побрившись, даже не почистив зубы, я кое-как оделся – голова кружилась, подташнивало – побрел на выход. Дежурная Вера как-то странно на меня посмотрела, да что ж тут такого? Я мужик видный, хотя и с похмела.

Короче, в институт меня не пустили. Охранник долго смеялся, тыкал в меня пальцем, показывал входящим – выходящим, и те тоже хмыкали. Потом этот сторож колхозный подвел меня к зеркалу: смотри, мол. И что же в этом стекле отразилось? Человек со включенными волосами, в них перья, как у индейца, небритый, в рубашке с погонами подполковника, заправленной в спортивные штаны с вытянутыми коленями, в пятнах томата.

На ногах – коричневые армейские ботинки на сантиметровой подошве. Естественно, с диким перегаром...

Комната в гостинице была пуста. Вера, отсмеявшись, сказала, что похмельный подполковник Сергиенко С. В. надел мою рубашу и свою лётчицкую фуражку, в белых гостиничных тапочках, мелкой рысью умчался восвояси – опаздывал на самолёт.

И только похожий на мастера Никита покинул наше пристанище достойно: он оставил персоналу консервы и чудом уцелевшую бутылку непочатого вина. Сказал, что пить в одиночку ему запахло.

Не получилось из меня ни Чубайса, ни Гайдара.

Работаю я на «железке», то есть – на железной дороге, путевым рабочим. Работа, хотя и пыльная, но на свежем воздухе. К запаху креозота я давно привык. Опять же, вкалываю физически, таскаю шпалы и рельсы, а это прекрасная тренировка силы и выносливости.

А людей на бабки разводить умеют многие, их у нас – пруд пруди.

Тулуп

Старик ходил зимой в тулупе – старом, потёртом, с разнокалиберными пуговицами, часть из них были некогда на халате покойной жены.

Он бы и летом его не снимал, да только жарковато было, и он переходил на пиджак, такой же древний – видимо, ещё послевоенного пошива, и носил неизменно галифе. Из обуви дед признавал только сапоги.

А кроме того, были у него две лошадёнки, понуры и тощие, настоящие одры, едва тащившие дроги с их хозяином или лёгкие сани зимой. Он смастерил их сам для своих доходяг-лошадей.

Словом, картинка была ещё та, экзотическая и впечатляющая.

Половина деревни, молодое поколение, не знала, как его звали, где он живёт, с кем, кто его родственники и где они.

Тулуп был вещь исторической и раритетной, и носил его дед не из жадности: просто он не озадачивался обновками – люди его возраста плохо привыкают к смене вещей и не меняют привычек.

Дед не сидел в избе, а постоянно был при каком-нибудь деле: ковырялся в стайке, возился с лошадкама. У него было хозяйство, четыре курицы, петух и коза, «нечистый дух», а также возил людям дрова и сено.

Говорил так:

– Если я остановлюсь, то больше с места не сдвинусь, окочурюсь в момент как пить дать.

Кстати, старик не пил и не курил – кажется, ещё после войны бросил:

– Ранение у меня было, в лёгкое осколок попал. В госпитале врач предупредил: «Хочешь жить, бросай эти грязные дела», я бросил и очухался через пару лет.

Про войну он ничего не рассказывал, медалями не бренчал, на вечера и встречи не ходил. В костюме с наградами никто его не видел, да и приличного костюма у него, по-моему, не было.

Но жил легко, сельчане его любили: мзду, как сказано, он за помощь не брал: покормят, и ладно.

А тулуп был его визитной карточкой, как шляпа у Боярского или гитара у Высоцкого: он был незаменим в антураже деревни.

Жалким он не выглядел в своих «мехах».

Так он и ушёл из жизни, ведь жизнь человеческая имеет свой срок.

Хоронили его всей деревней.